

A detailed Renaissance-style painting of a lush forest scene. The central focus is a large, gnarled tree with dense green foliage and small golden fruits. In the foreground, a white swan is partially submerged in a small pond, surrounded by black ducks and a peacock. To the left, a deer and a roe deer are visible. In the background, a small group of figures is seen on a path. The overall scene is rich with detail and naturalistic elements.

Елена Асеева

Криница слов

Елена Александровна Асеева

Криница слов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11773958

ISBN 978-5-4474-2167-0

Аннотация

«Криница слов» включает в себя рассказы, написанные в период с 2011 по 2015 годы.

Этот сборник позволит читателю окунуться в родник замечательных описаний природы, философских рассуждений о жизни, смерти, вере, любви.

Он подарит красоту русской речи, расскажет о чуде самого бытия и заставит задуматься о смысле жизни.

Содержание

Мыльный пузырь	5
Последняя исповедь	18
Смёртушка	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Криница слов

Елена Александровна Асеева

*Глотаю смесь из воздуха и грога,
И чтобы душу не обжечь глотком,
Вдохну тончайший, редкий запах Бога.
«Спасибо...» – скажет осень шепотком...
«Запах Бога». Светлана Донченко*

© Елена Александровна Асеева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Мыльный пузырь

Мне кажется, я всегда был несчастным. Не то, чтобы у меня не было рук, ног, не то, чтобы я был болен какой-то неизлечимой болезнью, не то, чтобы не имел семьи и был одиноким... нет! но все же я был несчастным! Там где-то в глубине своей сущности, что зовут люди душой, бестелесным духом, совестью, вторым – я, там... в том самом месте я и был несчастным.

Каждое утро, как и все те, что живут рядом со мной, я поднимался и шел на работу. На большом промышленном предприятии, что выпускает жизненно необходимую химическую продукцию, я много говорил, звонил по телефону, составлял столь ценные отчеты, а вечером, возвращаясь домой, мельком видел лица: жены Оли и сына Сашки...

Правда, иногда, мы ходили с женой прогуляться по центру города, в основном на рынок за вещами или в супермаркет за продуктами. Изредка я встречался со своими родителями, каковые жили далеко от моего города в большой станции. Ещё реже мы выбирались отдохнуть на море, дня на два – три, дикарями. Увы! всего лишь раза три за лето, потому что это все, что с такой кошмарной дороговизной, как выражалась моя жена, мы могли себе позволить.

Вот так я и жил, по-видимому, точно также, как большая часть людей моей страны, моего континента, и всей

круглой голубой планеты Земля. Жизнь которых сводилась к тому, чтобы заработать, а потом все, что заработал, потратить, прожрать, раздать долги, да несомненно, оплатить те непомерные поборы, оные накладывали государства на своих подданных.

Так живу я, так живешь ты, так живут все люди... хотя нет, я не прав... есть те, которые живут намного лучше. Едят слаще, пьют больше, те на которых работают все эти миллиарды подданных государства... простые, бедные люди, их еще называют неудачниками, коих в каждой стране просто пруд пруди. И их не просто каждый второй, их наверно каждый первый.

Впрочем, всех нас, в том числе и тех, кого прозвали неудачником и тех, кто ест лучше и слаще ждет один конец... тот самый... в смысле заколоченная доска гроба. Стук молотка— это последнее, что услышит твой мертвый мозг, твое растекающееся от процесса разложения тело.

Неужели люди— это не понимают?

Задавал я себе этот вопрос, очень часто, и, судя по всему, именно поэтому все время ощущал себя несчастным, будто обиженным, а может даже обездоленным.

Но особенно остро — это чувство проникло вглубь меня тогда, когда мы хоронили нашего работника Сергея Ивановича, и мне досталась почетная обязанность выносить гроб с его телом и нести до автобуса, который увозил его лишь в одном направлении.

И вот тогда, когда я понес, так же как и другие осужденные, этот тяжелый гроб с телом усопшего. Я глянул ему прямо в лицо... А Сергей Иванович, надобно вам сказать, умер внезапно от кровоизлияния в мозг, и потому лицо его страшно посинело, да и сам он весь, вроде как опух, отек. Помню, я тогда подумал (всматриваясь в его мертвое лицо), что не старый еще Сергей Иванович долгие годы копил деньги, мечта купит поддержанный, но обязательно импортный автомобиль, во многом, словом как и все мы, отказывая себе и своим близким, ну! я имею в виду в тех редких поездках на море.

И теперь мы несли Сергея Ивановича в гробу... человека, который умер, так и не сев за руль собственного автомобиля, а сзади шли его жена и дети да громко плакали. И от этих причитаний, от неестественно синего лица, да так и не выполненной мечты умершего человека, я опять почувствовал себя обиженным, да от тех переживаний внезапно оступился, и чуть было не упал, да чуть было не свалил гроб....

А сердце внутри у меня так бухнуло, лишь я представил себе, как сейчас гроб опрокинется, и тело вывалится да упадет на меня. И тотчас меня тягостно передернуло, руки затряслись, и сердце впервые за мои тридцать семь заболело, словно туда вначале вогнали острую, длинную иглу, а немного погодя хорошенько сжали его рукой....

Но все же я устоял на ногах и донес вместе с другими сотрудниками гроб до автобуса, и даже загрузил его в авто-

бус... Ну, а после сбежал домой, сославшись на боль в сердце.

И в ту же ночь мне приснился этот сон.

Я не помню с чего он начинался, наверно с какой-то белиберды, а после я увидел перед собой тихую водную гладь реки, голубую, голубую... слепящую глаза. В этой водной глади, словно в зеркале отражались небо, такое же голубое, маленькие, белые, хохлатые облака похожие на стада барашков и огромное желтое солнце, круглое, круглое и очень жаркое. Стоило глянуть мне на реку, которая расслаблено и лениво тянула свои воды вниз по течению, как сразу же я решил в ней искупаться. Помню я очень долго снимал с себя спортивные штаны, майку, тапки, носки, затем трусы. Ну, а когда разделся донага, подошел к берегу и, протянув ногу вперед, пальцами коснулся воды.

Вода была теплой... весьма теплой, и тогда я смело шагнул в нее и пошел, негромко плюхая, да выпуская из-под этих плюханий пузыри. Когда уровень воды достиг моих худых, угловатых, точно у подростка коленей, я остановился. И плашмя упал на водную гладь, каковая немедля разошлась в стороны, поглотив мое тело, а я, широко раздвигая воду перед собой, поплыл... поплыл.

Никогда, никогда в жизни я не испытывал такого блаженства, такой радости и телесного счастья!

Река была не глубокой, а ее чистота и прозрачность потрясала взгляд. Речное дно было покрыто белым, мелким пе-

сочком, там не росли водоросли, а ноги не опутывала тина, вода же в самом глубоком месте, едва доходила мне до груди. Когда же я уставал плыть и вставал на ноги, то сложив меж собой ладони, окунал их в реку да набирал воду. Я неспешно подносил сомкнутые ладони к губам, роняя крупные хрустальные капли на струящуюся гладь реки и медленно, делая большущие глотки, пил ту водицу. И вода та была такой вкусной, что невозможно было ею напиться. Потому, я наклонял к поверхности реки свое лицо, складывал губы в трубочку и пил... пил... пил эту жидкость, а потом уходил с головой под воду, открывая глаза и оглядывая стеклянно-голубоватые просторы реки.

Я плавал очень долго... не могу сказать сколько, а разбудил меня зазвеневший будильник, который сообщал, нам-подданным этой страны, что пора идти на работу.

Я открыл глаза и тяжело вздохнул, потому как увидел над собой не голубое небо с пасущимися барашками, а белый потолок спальни. Не раздолье водной глади, а белое постельное белье с огромными алыми розами. Жена моя, Оля, соскочив с кровати, побежала переставлять будильник, ведь мне на работу вставать позже, чем ей, затем широко зевая, пошла умываться, гроыхать чем-то на кухне и подымать сына Сашку в школу.

А я лежал на кровати с закрытыми глазами и мечтал уснуть, чтобы опять очутиться в той реке, и опять поплавать, понырять и попить той водички. Но уснуть не удавалось, и

я слышал, как хлопнув дверью, ушли жена и сын. И тогда, почему-то, мне стало жалко Сашку, который с двух годиков, поднимался каждый день, вот так, рано утром, и шел в сад, в школу. Я подумал, что после у моего сына будет техникум, армия, работа... и... и гроб, который вот так же покачивая, понесут с его телом туда в яму размером два-на-два, а может и того меньше, все, что он заслужил от своего государства, от этой жизни.

Ну, а вот, в принципе, если подумать, что я или мой сын видели в этой жизни?...

Да, ничего...

Общакровские лица воспитателей, учителей, столовскую еду... Затем такие же бесформенные общакровские лица начальников и сотрудников... и все ту же столовско-кофейную пищу...

Разве то жизнь, продолжил я свои думы... что я помню из своего детства, из своей молодости...? Бесконечные уроки, учебники, тетрадки, контрольные, экзамены... шагание на плацу в армии... и крики тупого моего начальника, которому проще одеть на голову воображаемое ведро, чем что-либо доказать... А что еще в моей памяти закрепилось?... Ну, появление на свет Сашки... его первое слово— хотя, честно сказать, я это не помню... Хорошо помню лишь, какой он, взволнованный, выходил из квартиры с большим букетом цветов в том году, тогда, когда я вел его в первый класс.

Неужели это все? Выходит и вспомнить то мне нечего...

Да, конечно нечего, сам себе заметил я, все еще лежа в кровати и стараясь непременно заснуть. Ведь самые чудесные, пришел я к выводу, порывшись в своей памяти, это те мгновения общения с сыном, каковые бывают у нас несколько раз в году на море, когда мы можем принадлежать друг другу.

Конечно, от этих муторных дум и от понимания того, что жизнь наша какая-то неправильная, неверная, и смысл, похоже в ней утерян, как таковой, а все мы словно маленькие гайки и винтики в громадном механизме, где если ты даже сломаешься, то без проблем будешь заменен на новый винтик и гайку... я так и не заснул.

Вскоре зазвонил будильник, и, несмотря на протесты моей души, что жизнь мы живем не правильно и глупо, я поданный, привязанный, да еще и похоже повязанный этой страной, тяжело стеноя и проклиная свою долю, поднялся с кровати, умылся и пошел на работу.

Весь день я был сам не свой, так как мне очень хотелось опять увидеть ту реку, и, нырнув в ту воду, насладиться её чистотой, теплотой, ее прозрачностью и вкусом. А потому я был весьма рассеян и меня не раз за день отругал мой начальник, предупредив, что лишит меня премии за месяц.

Но я почему-то, впервые за то время, что устроился и работал на данном предприятии, не испугался такого страшного, по сути, наказания, потому как мысли мои были заняты иным.

Вечером, когда я вернулся с работы домой, я хотел поговорить с женой о том, как купался в той реке, впрочем, она слушать не стала. Оля торопилась побыстрее нас накормить и посмотреть очередную серию какого-то бесконечного сериала. И тогда я пошел к сыну. Ну не то, чтобы рассказать о сне, но хотя бы поговорить. Однако Сашка включил компьютер и стал играть в какую-то очередную стрелялку.

И тогда, я понял, мы живем не правильно, и вообще не понятно, зачем живем?

Ведь если тебя даже не кому выслушать, разве ты живешь?...

Я посмотрел на своего сына, потерябил его по русым волосам и пошел укладываться спать.

Да только в эту ночь, мне не приснилась река...

Мне приснился вишневый сад...

Ох! ну до чего же там было прекрасно!

В этом саду росли лишь вишневые деревья, они были невысокими, с раскидистыми кронами. И если некие из них еще только цвели, то на других висели зеленые вишни, а на третьих вишня была ярко-багряной, поспевшей. На голубом небе, почти не было облаков, лишь кое-где курились едва заметные, закрученные по спирали белые туманы, а солнце в этот раз приятно согревало, будто на дворе была весна. Сад был насыщен сладким ароматом вишневого цвета, с едва ощутимым горьковатым привкусом, низкая изумрудная трава стелилась по земле и в ней утопали босые ноги, а

она лишь ласково поглаживая, целовала поверхность кожи. Я ходил по этой травушке-муравушке, вдыхал запах вишни и ел поспевшие кисло-сладкие ягоды...

И снова заголосил этот треклятый будильник.

Он звенел так громко, и так сотрясал мой сон, что с веточек деревьев стали осыпаться белые лепестки цветов и ярко-багряные поспевшие ягоды вишни.

Когда я открыл глаза, будильник все еще продолжал голосить, а это значит, что звенел он для меня... а не для Олижены, оной подле на кровати не было. В этот раз я поднялся с большим трудом, тяжело оторвав голову от подушки, тело от простыни, со скрипом спустив ноги с кровати. А сердце внутри груди опять кто-то сжал рукой, да так крепко, что от той боли у меня порой кружилась голова. Впрочем, я все равно пошел на работу, потому что совсем о ней не думал и не думал о боли в сердце... Я думал и вспоминал тот вишневый сад и хотел еще раз искупаться в той реке.

И пока я шел, ехал в автобусе, сидел за рабочим столом, потирая горящую от боли грудь, я все думал о тех прекрасных местах, каковые видел ночью. И думал о том, что в этой жизни я так редко встречал эти красоты... эти простые красоты моей родной земли, красоты планеты Земля...

Я не замечал, как восходит солнце, и как оно закатывается за край земли.

Я не замечал, как на небо выплывает месяц, и, проступая сквозь черную мглу, выплескивают свое сияние звезды.

Я не замечал, как веточки деревьев покрываются почками, и как, постепенно набухая, отворяясь, выпускают они из себя зеленые побеги листьев.

А разве я замечал, как зеленоволосую, цветущую и благоухающую весну сменяет парящее жаром лето, а на смену этой ягодной поре приходит пестрая, грибная, дождливая осень и в белых шубах, расписная зима.

Я не заметил, как пролетело мое детство, юность, не заметил, как закончил школу, техникум, женился... ничегошеньки... ничегошеньки я не заметил!

И теперь я все время об этом думал, а когда в перерывах, отрываясь от очередных, зачем-то и кому-то, необходимых отчетов, глядел в окно, то видел там лишь бетонную площадку, полную легковых автомобилей.

Вечером, вернувшись с работы домой, поев и приняв душ я не стал отрывать Олю от ее сериала, а поцеловав в щеку, и сына в макушку, пошел спать.

А у меня все еще продолжало давить сердце так, что уже стало болезненно дышать.

Я закрыл глаза и, прежде чем заснуть, помыслил, что на самом деле несчастен не только я, но и все те, кто живет на этой прекрасной планете Земля и совсем об этом не задумываются.

А когда я уснул, то увидел небольшое лазурное озеро, не голубое, не зеленое, а именно лазурное. Берега этого озера поросли высоким камышом, и прямо с одного его края, как

раз с того места где я стоял, словно пришедший откуда-то, в озеро вёл узкий деревянный причал, к которому наверно должны были причаливать лодки. Однако сейчас причал был пуст, лишь на его краешке, что вдавался в озерную гладь, сидел мальчик лет десяти и увлеченно ловил рыбу. Он держал в руках длинную удочку да не сводил глаз с красного поплавка. Я ступил на причал и неторопливо пошел к мальчику, будто замороженный царшей рядом с ним тихой радостью.

Я шел, а сам оглядывал все кругом. На высоком, голубом небе не виделось ни облачка, ни белого закрученного по спирали тумана, оно было необычайно чистым и насыщенным. Желтоватое, солнечное светило, освещало и нежно-зелёные камышовые заросли, и лазурное озеро. Водная гладь, кишила жизнью, и видел я, как от выплывающих с под озерного дна рыбок, хватающих, что-то на поверхности в разные стороны расходились круги. На больших листьях водных растений сидели болотного цвета крупные лягушки с черными глазами, над озером кружились крупные стрекозы, а по самой воде бегали тонконогие, серые пауки или жуки.

Я подошел к мальчику и присел подле него на край причала, а затем глянул ему в лицо.

Да, обалдел... потому, что мальчик был похож на сына моего Сашку, но то был не Сашка... то был я сам... в детстве!

Мальчик, повернул голову, посмотрел на меня и нахмурил свой нос, так как хмурил нос я в детстве. А я, немного погодя, пришел в себя, и тихо так, чтобы не напугать рыбу

да не испортить рыбалку, спросил:

– Ты, кто?

Мальчик криво усмехнулся и тоже шепотом ответил:

– Я– это ты, а ты– это я...

– Но, как это может быть..., – удивленно прошептал я, а после еще тише добавил, – я, что умер?

– Да, – довольно громко произнёс мальчик, и, кивнув, вновь устремил свой взгляд на поплавок, который безмолвно замер на водной глади озера.

– Как же так... умер, – удрученно повторил я, и, посмотрев на себя, ничего не увидел, ни рук, ни ног, ни тела. – Умер..., – протянул я это страшное слово, а после заметил, – я же даже и не жил. Ничего не видел, с Сашкой не порыбачил, в реке вдоволь не накупался, вишни вдоволь не поел... и надо же умер...

– Что ж так бывает, – разумно сказал мальчик, и пожал своими угловатыми плечиками. – А потом, ты же знаешь, у всех одно начало и один конец... Ну, а то, что ты так глупо жил и неправильно, в том лишь твоя вина... Я вот правильно жил... Ходил на рыбалку, бегал в зеленых лугах, ездил на лошадях, работал с дедом в поле, в садах яблоки собирал, и в речке я купался... Я жил правильно, потому я останусь, а ты нет!

– Как так ты останешься, а я нет? – переспросил я мальчика, не очень понимая, о чем это он. – Но ведь я разговариваю с тобой, я же есть еще...

– Нет, тебя нет! Осталась лишь одна мысль в капельки сущности, – изрёк мальчик и повернув голову, посмотрел на меня своими серо-зелеными глазами, да вновь нахмурил нос. – Еще миг и ты исчезнешь, уйдешь в никуда, превратишься в ничто... Как жил– никак, незачем, так и испаришься. Останусь лишь я! Я тот, который умел жить, умел быть счастливым и не запирал себя в узкие рамки подданных этой планеты Земля!

Я ошарашено смотрел на мальчика, и думал, что он прав, такому несчастному глупцу который не смог прожить правильно, который загнал себя в узкие рамки подданного этого государства, который не видел почки, веточки, листочки, который не видел приход весны и осени, такому, который не помнит первое слово сына и незачем жить... ни там, на планете Земля в людском облике, ни здесь в этой бестелесной сущности. А потому, я тяжело вздохнул, последний раз глянул на мальчика, оный широко улыбаясь, подсекал рыбу, и, лопнув, словно мыльный пузырь, распался на множество частичек, каковые не могли думать, а, следовательно, не могли быть несчастными.

КОНЕЦ

г. Краснодар, июль 2011 г.

Последняя исповедь

*Ветры, ветры, о снежные ветры,
Заметьте мою прошлую жизнь.
Я хочу быть отроком светлым
Иль цветком с луговой межи.*

С. А. Есенин

Каждый человек сам для себя избирает веру и путь. Каждый человек сам решает верить ли ему в Христа, Аллаха, Будду, ДажьБога, сам решает, попадет ли он после смерти в рай, ад, Ирий-сад, Пекло или превратится в ничто. И каждый из нас, наделенный свободным разумом, правом предоставленным Богом, эволюцией и конституцией выбирая тот или иной путь, идет по нему или сворачивает тогда когда пожелает, поумнеет или повзрослеет.

Помню, как я впервые увидела службу в православном христианском храме....

Оговорюсь сразу, моя вера началась в храме и там же, в храме, закончилась... но обо всем по порядку.

И так, впервые службу в православном храме я увидела в детстве. Мне тогда было не больше пяти лет. Уж, я и не знаю, зачем мы с мамой зашли в храм, ведь я родилась и росла в атеистической семье, впрочем, как и в атеистической стране. Тогда я жила в далекой среднеазиатской республике, и жили мы мирно и славно, а возле большого сельскохозяйственного

рынка стоял этот самый с тремя голубыми куполами храм. Он был обнесен белым, бетонным забором и прятался в зарослях высоких, с могучими стволами, дубов укрытых тенистой кроной темно-зеленой листвы. И как-то раз, то был наверно праздник, мы с мамой зашли в этот храм...

Помню было не очень много людей, зато много было духовенства, обряженного в золотые одеяния. Они так ярко блистали этими драгоценными переливами, что поразили не только мой детский взор, ум, но и душу...

И наверно, именно тогда я и уверовала в Бога, Господа Иисуса Христа— Творца и Спасителя!

Ну, а так как я росла в атеистической семье, впрочем, как и в атеистической стране, то очень долгое время я хранила эту веру в своей детской душе, надеясь наверно вскоре уверовать по-настоящему.

Наконец я подросла, а моя страна изменилась так кардинально, что внезапно стало модно верить, креститься и вешать на грудь кресты, не только золотые, но и медные, и алюминиевые. Стало модно ходить в церковь, покупать иконы, кланяться священникам.

И я не отставала от веяний моды, но если честно (вы же помните) в душе я хранила веру, и любовь к Господу, а когда моя подруга привезла с Киево-Печерской Лавры маленькую иконку, размером семь на пять, с изображением Матери Христа, я начала молиться. Однако тогда, я была очень юная, молитвы наизусть не знала, поэтому обращалась к за-

ступнице всех русских простыми словами, и как-то так по простому просила всякую мелочь: здоровья, успешной сдачи экзаменов, мира в семье и стране... То были юношеские просьбы, те самые которые можно не исполнить и ничего с тобой не случится, а потому-то мне все время отказывали в этих мелочах, и потому как я была еще в нежной юности, не сильно обремененная жизнью, то я и не обращала внимания на эти отказы.

В семнадцать лет я покрестилась и была очень счастлива. Еще бы, теперь я стала совсем близка к нему, к Христу, к Спасителю и Творцу... И мне казалось теперь то он меня непременно услышит и дарует мне здоровье, поступления после школы в институт и самое главное мир моей стране. Впрочем я была все той же юной, а потому просила о мелочах, которые Господу можно было бы и не выполнять... потому как я и не замечу... И мелочи те не выполнялись, а я пока и не замечала этого.

В тот самый миг, когда я учила молитвы и обращалась к иконе двадцать на пятнадцать с изображением Владимирской Богоматери, произошел развал моей огромной страны.

И мы, русские, внезапно стали лишними в тех самых среднеазиатских республиках, которые наши деды и родители строили своими руками...!

Мы стали не просто лишними, а точно, красной, трепещущейся на ветру и раздражающей материей, для злобно бьющего копытом по земле быка, некогда братского народа.

А потому, нас культурно попросили обратиться, что мы незамедлительно и сделали.

Мы продавали за бесценок квартиры, дома, дачи... Мы собирали в небольшие контейнера личную одежду, кой– какие ценности и остатки еще не распроданного имущества и отправляли куда-то к «черту на Кулички» – ох! ох! ох! Прости Господи, за поганое слово!!!

Короче говоря, отправляли в какие-то небольшие деревни, села, станицы, провинциальные городки...

Мы уезжали не просто семьями, а несколькими семьями и ехали туда, где нас не ждали, где мы были не нужны... и где долгие годы мы считались чужими, пришлыми.

Мы, все, русские люди, вынужденные переселенцы... беженцы... те несчастные, которые покидали квартиры, дома, дачи. Те, которые теряли работу, друзей, знакомых, и место к коему словно приросли корнями. Уезжая мы перерубали те корни, а после на отрубленных местах образовывались гнойные раны, каковые долгие годы болели и из каковых долгие годы текла не только кровь, но и горючие слезы.

Сколько из нас, из таких вот вынужденных переселенцев, беженцев, выплакали потоки слез, выпили склянки мятного корвалола, сглотнули белые таблетки валидола... получили инсульт, инфаркт, и как итог всему– умерли.

Оторванные от тех мест, где мы родились, выросли, любили и жили, мы не были нужны и тут на исторической Родине. Тут на нас смотрели, как на чужаков, как на неизвест-

но зачем прибудившихся незваных гостей.

А нам, увы! было некуда деться, некуда идти, ехать, а потому мы оседали в тех деревнях, селах, станицах, провинциальных городках, и точно исчезали, испарялись аль истаивали.

Сколько таких вот, моих друзей, одноклассников терялось, пропадало из виду, будто и не было их никогда, не было никогда их семей...!

Но тогда, я еще была молода, я не замечала этого, и хотя душа моя обремененная одиночеством плакала навзрыд, я продолжала верить в Иисуса Христа, Спасителя и Бога, я молилась и вставая на колени кланялась ему до земли, и той иконе тридцать— на— двадцать, что приобрела в церковной лавке...

А жизнь требовала свое, и, поступив в институт на заочное обучение, я в восемнадцать лет пошла работать, чтобы быть в состоянии не только прожить, но и главное оплатить свое обучение, которое внезапно стало платным.

И я продолжила свою поступь по этой тяжелой, взрослой жизни...

Иногда, когда было особенно тяжело шагать, я говорила самой себе: «Наверно Христос меня очень любит, а потому посылает испытания, проверяя мою веру и любовь». И наверно оттого, что Господь меня так сильно любил, мне приходилось хлебать эти тяготы жизни, и не только духовные, но и физические. А потому, я научилась колоть дрова и уголь,

пилить бревна, топить печку, качать колонку и носить воду. Я научилась доить корову, растить кролей, кур, утей, баранов. Я прекрасно копала землю, тягала навоз и руки мои стали крепкими и сильными. Лет в двадцать пять у меня уже были мощными плечи, и если бы мне, на темной дорожке, встретился какой-нибудь бандит, маньяк, он бы со мной вряд ли справился... Я рано вышла замуж, и хлебнула горькую микстуру нелюбимой невестки, хотя я любила мужа, рожала ему детей и никогда, как и положено православной, верующей женщине, не хотела и даже не думала о чем дурном, греховном!

Тогда у меня была икона большая, на ней была изображена Казанская Богоматерь, и когда мне было особенно плохо, тяжело и обидно, я вставала на колени, и, перемешивая молитвы и свои простые, человеческие слова просила лишь об одном, чтобы мне дали спокойно жить!

Однако то, по-видимому, опять были не те просьбы, а может я все еще была молода, и могла потерпеть или не заметить, что меня не слышат, и потому просьбы такие простые и горько выстраданные не исполнялись.

И тогда, нам с мужем пришлось уехать... Ну, чтобы сохранить семью, остатки любви и главное не осиротить наших детей.

Я верила в Бога, в него Иисуса Христа, Спасителя, Творца, Благодетеля, и надеялась, что на новом месте все будет хорошо, и он— Господь поможет, и даст мне наконец-то спо-

койной, мирной жизни...

А потом, чтобы оправдать вечно, как мне стало казаться, глухого Господа, я стала говорить себе, что спокойно жить будешь там... в гробу... вернее в раю!

И продолжала молиться... молиться...

Но как говорить «Богу молись, а в делах не плошись».

И я стала как-то реже вставать на колени, реже стала просить, все больше говорила молитвы или так ни о чем... в целом о своей несчастной, изнывающей от бессердечных правителей стране, о бедном, униженном народе, о семье... Старалась вроде говорить обо всем и ни о чем в частности и главное не просить, а лишь взывать.

И похоже Господу Спасителю, Всеблагодару, Вездесущему и Всемогущему Богу нравилась такая молитва... теперь можно даже не ссылаться на мой возраст, можно даже не делать вид, что обдумывают выполнение моей просьбы, потому как просьб никаких и не было, лишь одни взывания.

А я, к этому времени, уже поняла кое-что... Коли ты своими руками, взяв лопату, землю не вскопаешь, да картошку не посадишь, то точно с голоду ноги протянешь, потому что манна с небес не прилетит.

И лишь только я это надумала, и поняла, стала я крепче налегать на труд и меньше на молитвы, и такая уставшая, изможденная за день, реже молилась, а вера во мне стала вроде иссыхать, тончать.

Однако я еще крепилась, и продолжала любить Господа,

носить крест, покупать иконы, крестить детей и праздновать Пасху!

Моя страна жила вместе со мной, или может – это я жила вместе с ней!

Ясно было одно, я без нее никак, а она без меня, как всегда, прекрасно!

Я любила не только Бога, но и землю на которой жила, и страну, с которой связана историей, и мой народ с которым у меня кровные узы. И я все время видела, как тихо, тихо, очень медленно умирает душа моего народа.

«Странное дело, – говорила я сама себе. – Вроде бы все верят в Христа, носят на груди кресты, целуют руки батюшке и кланяются иконам... А духовность в народе умирает. Ведь даже в атеистическом Советском Союзе, духовность была выше, люди были чище, на улице не услышишь не только мата, а даже скверного слова... Мужчины были женаты на женщинах, а во дворах было полно ребятни, в школах были полные классы... И не было разгула наркомании, пьянства, курения и всех других мерзостных духовных извращений... Почему, – продолжала рассуждать я. – Почему же сейчас все те которые носят Христа на груди, сами без Христа в душе?»

Да, именно так я и думала... А в связи с тем, что мне часто приходилось, пилить, рубить, таскать, копать, сажать, поливать, пропалывать, стирать, убирать, готовить, я все время могла рассуждать и думать.

И я думала... думала... думала...

И откуда я так думала и вроде как мудрела, ведь жизнь была тяжелая, проблем и бед, было столько, что иногда хотелось поделиться, я вроде как переставала уж так слепо верить в Бога.

Все чаще встречая и провожая солнце, поднимаясь и укладываясь на покой, я не молилась, а церковь и вовсе посещала лишь в праздники.

Но эти самые праздники я отмечала... Потому, что я думала, Иисус Христос— это Бог бедных, простых людей. Он пришел к нам, и даже когда родился, место ему нашлось лишь в яслях... Он страдал во имя нас, а потому это наш Бог, а не тех, кто жирует, разграбляя нашу страну, уничтожая историю и спаивая народ.

Только одного я не могла понять: «Почему же он – Господь, Спаситель, Всеправедный Промыслитель не накажет всех этих кровопивцев оные, словно пиявки высосали из нашей земли все, что можно? Ведь Он Бог бедных? Или нет?» Но пока я не могла ответить на эти вопросы. И оттого эти вопросы повисали без ответа в воздухе, и изредка ударяясь об мою голову, заставляли шевелить мозгами, заставляли думать и мудреть.

Однако время шло, а вместе с этим временем, я выросла. Я стала женщиной, у которой уже юные дети... и чем чаще я задумывалась, чем реже молилась, чем реже ходила в церковь и слушала нотации батюшек, тем я точно прозревала, точно видела лживость не только поведения духовенства,

но и самой религии.

На самом деле – религии богатых!

Однажды я привела на причастие своего младшего сына. Передо мной шел мужчина с полуторагодовалым мальчиком на руках. И когда страшно отекий дьякон и не менее отекий священник (верно от долгого поста, их так развезло – подумала я) влили в рот мальчику ложку вина, то есть крови Христовой, то ребенок очень расстроился, заплакал, так как это таинство совершается насильственно. Ребенок даже не сглотив то вино-кровь, уткнулся в плечо отцу да вытер о его свитер губки... Но мальчик понятно почему расстроился, ведь не всякому нравится, когда его насильственно поют, да еще и кровью... вернее вином. И меня не удивило поведение ребенка. Меня, помню, потрясло поведение священника, потому как он прямо-таки рассвирепел на несчастного отца мальчика. Он не просто рассвирепел, он зарычал, а лицо его исказила недовольно-злая гримаса, и в грубой форме он высказал прихожанину правила поведения на причастие... и недостойность вытирания губ после крови Христовой о свитер.

Мне тогда впервые захотелось уйти из церкви, навсегда, уже и не знаю, почему я себя пересилила и осталась. Я посмотрела в ненавидящее все и вся лицо священника, который учил нас главной заповеди «Возлюби ближнего своего, как самого себя», и подумала только об одном: «Это же надо так ненавидеть самого себя». Я подумала про себя, и сдер-

жалась, вслух ничего не сказала...

Но после того случая перестала приводить детей на причастие...

Я уже не буду вспоминать сколько раз приходилось наблюдать, как духовенство не уважительно, наплевательски относилось к самим службам, разговаривая во время них, посмеиваясь, хлопая дверьми, ведущими в алтарь.

Однозначным, для меня стало одно – эта вера богатых, а не бедных, и Иисус Христос любит тех у кого есть деньги... если он вообще есть такой Иисус Христос – Спаситель ..., если он такой вообще был, такой Человек ли? Бог ли?

Моя вера началась в храме, и там же, в храме закончилась...

И последний раз также, как и тот первый, я очень хорошо запомнила!

В наш город привезли стопочку Андрея Первозванного, того самого который жил когда-то в Капернауме, который уверовал и ушел со Спасителем, который стал апостолом и проповедовал учение Христа. И согласно тексту в составе Повести Временных Лет «побывал в землях словен, где позднее возник Новгород, подивился местным обычаям и отбыл в Рим» Еще писалось в том же тексте, что он поднявшись вверх по Днепру, благословил место будущего Киева, и даже поставил деревянный крест где-то там, вроде предсказывая, что в этой стране будет сиять вера в Христа.

Вот к его святой стопочке, я и пришла приложиться, слов-

но надеясь на последнее чудо... оправдание веры и глухоты Христа!

Когда же я увидела эту стопочку, то на пару минут неподвижно замерла... Мне стало не хорошо, потому что, как оказалось я не в состоянии была не только целовать, но даже смотреть на эту высохшую, мумифицированную часть тела. Однако меня подталкивала толпа верующих, шедших позади, а женщина в сером платочке, охранявшая святыню так на меня глянула, будто солдат на заедавшую его вошь, что я, наклонившись уже даже, и не помню, приложилась ли я к той стопочке или просто протянула вперед губы.

Не успела я тогда покинуть храм, как сразу подумала, что— это кощунственно разрывать тело усопшего на части, а после их вот так хранить, и выдавать за святыни, заставляя прихожан прикладываться к тому в чем уже нет ни света, ни жизни... лишь тлен... И мне простому человеку, который иногда думает, та мумифицированная часть тела не показалась святыней и кроме безглагольного трепета ничего не вызвала... Хотя я и пыталась воззвать к своей душе!

Покинув храм навсегда, я все же решила узнать, как разорвали на части апостольское тело, кто, когда и где?

Оказывается Андрей Первозванный умер около 67 г. нашей эры (так принято считать) в Патрахе (Греции) и там его тело и хранилось.

Где хранилось? Кем? У кого?

Но то не суть важно, потому как нас волнуют другие во-

просы... В 357 г. н. э. по поручению императора Констанция II мощи апостола были перенесены в Константинополь и помещены в основание церкви. В VI веке их вновь потревожили и перенесли в новый храм Святых Апостолов. А в 1208 г. кар. Петр Капуанский увез мощи в итальянский город Амальфи. Но мощи Андрея Первозванного хранятся не в целости, потому как глава его хранится в Патре (Балканы). В афонских монастырях в Великой лавре Афанасия хранится— рука, в Андреевском скиту— частица главы, в Пантелеимоновом монастыре— стопа, а в Богоявленском соборе Москвы— ковчег с его десницей.

Когда я это узнала и представила себе, как тело этого, и, впрямь несчастного мученика, Андрея Первозванного разрезали на части, вроде бы те самые которые почитали и верили, то меня не просто передернуло... Я поняла, что передо мной, мягко так скажем, неправильная религия и вообще, как говорится все ли там у нее с головой или главой в порядке?

Приведу простой пример... Та самая десница Андрея Первозванного оказывается в 1644 году была преподнесена в дар М. Ф. Романову иноками монастыря св. Анастасии Узорешительницы близ Фессалоники.

Кошмар – вот это дар!..

Ну, я понимаю, дар— это меч, перстень, цепь, книги, кони, верблюд... но не людская же плоть, давно почившего человека!

Разве то нормально, отрубить от несчастного страдальца и мученика: ногу, руку, палец, а после дарить ее, и поклоняться, да еще и чего-то выпрашивая... вот у той сухой части плоти!

И неужели Христос именно так и учил своих учеников верить, учил так неуважительно относиться к праху мертвого и рвать его на части... лобызая... раздаривая.

«Да и потом, – еще так я подумала. – А где и вовсе хранились те мощи вплоть до 357 г. н. э.... то есть почти триста лет? Кто их оберегал? Укрывал? Кому передавал и чего при этом говорил? Ведь тогда в 67 г. нашей эры апостол Андрей проповедовал веру в Христа, и шел по землям где правили другие Боги, и он был врагом не только тех Богов, тех правителей, но и простых людей. Он принял мученическую смерть на кресте, затем был снят.... А дальше? Кем-то храним? И где-то... и триста лет?... Ну, не дурь ли... Ложь... все ложь,» – подумала я.

Вот я так подумала и перестала ходить в церковь...

А чего мне там делать, на что смотреть?

На духовенство, которое оплывает за счет нашего подаяния, и смеется на службе?

На пустые нарисованные красками иконы, которые проси не проси ничего не слышат и не помогают, оттого, что тех, кто там изображен и вовсе никогда не было на свете?

Или на эти сухие, истлевшие части тел... чьи они и кто их туда положил?

Нет, я после долгих мытарств, пришла к выводу, что вера та мертвая и ходить в церковь не стоит!

Молиться тоже бесполезно, потому как некому слушать ту молитву!

Слушать духовенство и вовсе опасно, потому что, как может сам грешник, да еще и злобный, и лживый, наживающейся на твоём труде учить тебя безгрешно и правильно жить!

И когда я пришла к такому окончательному выводу, я сняла с себя крест и убрала иконы.

Я поняла, мои предки, когда-то тоже перестали верить, основываясь на двух народных истинах:

Молился, молился, а гол, как родился.

Богу слава, а попу кусок сала.

И еще мои умозаключения свились к главному, коли не мои руки, которые могут все: и таскать, и рубить, и копать, и доить, и мыть, и готовить, давно бы и я, и мой муж, и мои дети с голоду попередохли....

А потому я родившаяся в советской, атеистической, великой стране, прожившая долгие годы в демократической, христианской, униженной канаве, вернулась к своей, дарованной от рождения вере— атеизму, и кроме, как собственным натруженным, с выпуклыми жилами и венами, рукам, славу больше никому не пою!

КОНЕЦ

г. Краснодар, август 2011 г.

Смёртушка

Тихой, неслышимой поступью ступает она по земле.

Никому не избежать этой участи: ни бедному, ни богатому, ни хворому, ни здоровому, ни малому, ни старому. Она срубает головы, заглатывает целиком, она похищает жизнь у всего живого.

Да, впрочем, наверно, мы затем и родились, чтобы встретиться с ней....

Наверно, мы и пройдем поэтому жизненному пути лишь для того, чтобы увидеться с ней...

Посмотреть в ее глаза... если они у нее есть...

Глубоко вздохнуть и понять, зачем? для чего ты жил!

Смерть, смёртушка – конец жизни на этой прекрасной голубой планете с чудным названием Земля. На планете, где живут такие разные люди с желтой, красной, черной, белой кожей; где обитают пестрые ряды птиц и диковинные звери; где текут глубокие, полноводные реки и речушки поменьше; где шелестят зеленой листвой дубравы и рощи; где колышутся злаками поля и луга; где ударяют высокими волнами о край береговой линии воды морей и океанов.

Все прекрасное, восхитительное, созданное и одаренное такой красотой! Все, чей конец известен, также как и начало!

Смерть. Смёртушка, она идет за нами неслышно, точно нависая над нами своим черным балахоном. Иногда она ти-

хо подкрадывается и похищает нашу жизнь столь мгновенно, что вызывает лишь удивление – жил ли ты, нет ли?! А иногда она приходит, не таясь, и тогда ты видишь и этот ее балахон, и то, что у нее находится вместо лица. Ты видишь ее руки, чувствуешь исходящий от нее запах... и понимаешь, что на самом деле, ты жил лишь для того, чтобы увидеть ее и осознать эту встречу!

В высоком, бело-стеклянном здании, где так любят нынче устраивать свои офисы, все те кто честным трудом накопил деньги. На третьем этаже в широком кабинете, с книжными шкафами из дуба, диваном, обтянутым натуральной кожей, за массивным письменным столом цвета вишня-хамелеон, лак которого обладал свойствами принимать тональность, тех элементов интерьера, что стояли рядом, на классическом кресле из того же дуба, обитого также натуральной кожей, с резными ручками и мудреным механизмом качания, подъема и опускания – сидел Василий Петрович. Он был одет в темно-серый костюм из шерсти, оливковую из хлопка сорочку, галстук из натурального шелка и лаковые черные туфли с зауженным мысом, купленными в самой Италии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.